

Алексей Митрофанов
Покровка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Покровка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Покровка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902962-1

Очередная книга серии «Прогулки по старой Москве» посвящена Покровке. Этот путь берет начало от самых главных кремлевских ворот — Спасских, рядом с которыми размещается самый красивый московский собор — храм Василия Блаженного. Мы пройдем мимо Биржи, мимо часовни в память плевненским героям, мимо «домика-комода» — самого необычного дворянского особняка Москвы. Мимо садика имени Баумана, в котором стоял флигель Чаадаева...

ISBN 978-5-44-902962-1

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Башня №1	6
Исполинская часовня	9
Не для лбов	16
Лавки не для сидения	20
Теплые ряды	23
Крепкая палка как биржевой инструмент	25
Общество страховщиков	27
Гренадерский колокольчик	29
Церковь одного батюшки	31
Резиденция пастора Глюка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Покровка Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-2962-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очередная книга серии «Прогулки по старой Москве» посвящена Покровке. И, как всегда, мы не ограничимся лишь этой улицей, а расширим маршрут: пройдемся Ильинкой, затем Маросейкой, собственно Покровкой – и далее, на северо-восток.

Можно сказать, что это направление – самое главное в Москве. Еще бы – ведь начало этот путь берет от самых главных кремлевских ворот, Спасских, рядом с которыми размещается самый красивый московский собор – храм Василия Блаженного.

Мы пройдем мимо Биржи – финансового центра дореволюционной Москвы. Мимо часовни в память плевненским героям – самой красивой из всех сохранившихся московских часовен. Мимо «домика-комода» – самого необычного дворянского особняка Москвы. Мимо садика имени Баумана, в котором стоял флигель Петра Чаадаева...

Впрочем, не будем тратить время на простое перечисление достопримечательностей. В путь!

Башня №1

Спасская (Фроловская) башня Московского кремля (Красная площадь) построена в 1491 году по проекту архитектора Пьетро Антонио Солари.

Главная достопримечательность Фроловской (Спасской) башни – не шатер, и не ворота, а часы, Кремлевские куранты. Трудно, придя сюда, не бросить взгляд на главный циферблат России, тот, по которому сверяет время вся страна. А в Новый год бой курантов транслируют по всем телеканалам – именно с двенадцатым ударом Россия по традиции начинает пить шампанское.

Первые часы возникли в нашем городе в 1404 году. Установили их в Кремле, и древняя «Тверская летопись» писала: «Сей часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы ночные и дневные. Не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищено».

Тот механизм и вправду был сенсацией: москвичи впервые в жизни увидели действующий автомат – машину, которая движется самостоятельно, как животное или же человек.

А часы на Спасской башне появились лишь в конце шестнадцатого века. Стрелок на них не было. Вращался сам пятиметровый циферблат – небесный свод со звездами из золота и серебра, а также цифрами. Над сводом находилось солнце, и неподвижный его луч указывал на проплывающие под ним цифры. Будучи красоты необычайной, этот механизм сразу прославился на всю Европу.

Впоследствии его продали в Ярославль, в Спасский монастырь.

Несколько раз часы на Спасской башне заменялись новыми, а в 1852 году здесь появились современные куранты фирмы «Братья Бутеноп». Четыре раза в день (в 9, 12, 15 и 18 часов) они играли гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» и «Преображенский марш». Для этого пришлось снять все колокола с кремлевских башен и перенести их внутрь новеньких часов – музыка Спасской башни была, разумеется, важнее.

В революцию 1917 года, когда большевики обстреливали Кремль, один снаряд попал в куранты. Механизм остановился. Но Владимир Ильич Ленин, глава нового, революционного правительства отдал строгое распоряжение – починить часы и «научить» их исполнять «Интернационал». Фирма братьев Бутеноп затребовала за ремонт громадную сумму денег. Решили обойтись своими силами. Однако же часы никак не запускались – проблема была в маятнике.

И тогда Николай Бернс, простой слесарь, вызвался наладить ход курантов. Он был смекалистый и авантюрный по характеру. Он понимал: в случае неудачи – расстрел. Вместе с сыновьями Василием и Владимиром, он довольно быстро изготовил маятник. И случилось чудо – часы пошли. Слесарь не только избежал столь вероятной смерти, но и прославился на всю страну.

* * *

Над курантами – тоже известная на всю Россию рубиновая пятиконечная звезда. Такими звездами увенчано пять башен – Спасская, Никольская, Троицкая, Боровицкая и Водовзводная. Круглые сутки внутри горят мощные лампы – иначе в яркий день звезды бы выглядели черными.

Звезды устроены как флюгеры – они поворачиваются под действием ветра. Это сделано не для того, чтоб информировать людей о состоянии погоды – просто таким образом снижается нагрузка ветра на звезду.

Некогда вместо рубиновых звезды были простыми, без подсветки. Правда, они были разукрашены ценными камнями-самоцветами.

А еще ранее – хотя уже в советское время – на башнях размещались имперские двуглавые орлы.

По стране всюду шли сталинские репрессии, люди боялись сказать лишнее слово, чтобы не попасть в тюрьму. А над главной площадью нависал двуглавый орел – символ царской России. Люди боялись поглядеть на орла: вдруг этот взгляд перехватит агент «чрезвычайки» – политической полиции большевистской России. И еще неизвестно, как этот взгляд истолкует.

Долго не решались убрать орлов – боялись зацепить тяжеловесной «птицей» сами башни, повредить древнюю красоту. Просто сбросить их на землю, разумеется, было нельзя. В 1924 году возникла мысль подцепить орлов к аэростатам и спокойно опустить на землю. Произвели расчеты – оказалось, что аэростаты не способны выдержать подобный груз. Орлы были сняты, лишь когда появились высокие, крепкие монтажные краны. Было это в 1935 году.

* * *

А под курантами – главный въезд в Кремль, «Святые ворота». Здесь висел образ Нерукотворного Спаса – самая почитаемая в православии икона Иисуса Христа, – и, по указу царя Алексея Михайловича, каждый должен был при входе в те ворота снимать шапку. Нарушителей наказывали – заставляли здесь же класть 50 земных поклонов.

Смысл указа был, в общем, понятен. Ведь существовал древний русский обычай: входя в комнату с иконой, снимать шапку. А Спасские ворота были главным входом в Кремль.

Неудивительно, что стихотворец Федор Глинка сравнивал невозможность пройти Спасские ворота в головном уборе с физической невозможностью совершить то или иное непосильное деяние:

Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

А многие московские врачи, когда их пациенты начинали жаловаться на частые простуды, спрашивали:

– А вы в Кремле часто бываете?

– Часто, – отвечали пациенты.

– А через какую башню ходите?

– Через Спасскую.

– Вы с ума сошли! Ходите через Троицкую.

– Почему?

– Сами подумайте – по такому морозу, и без шапки, да по несколько раз в день! А у Троицкой не надо ничего снимать.

Как правило, совет помогал.

* * *

А рядышком со Спасской башней – маленькая и затейливая Царская. Она была построена в 1680 году на месте деревянной башенки, с которой Иван Грозный наблюдал за жизнью Красной площади. В том числе и за казнями, которые совершались тут же, на берегу Алевинова рва, в те времена отделявшего Красную площадь от Кремлевской стены. Ведь Кремль

в средние века был треугольным островом. С одной стороны протекала Москва река, с другой – река Неглинка, а с третьей был искусственный ров, прорытый итальянским мастером Алевизом Новым. Это было сделано в первую очередь, конечно, из соображений безопасности. В случае нападения врага мосты сразу же поднимались, Кремль оказывался полностью изолированным. Но, кроме того, это очень красиво – плавно бегущие волны, мостики, отражения кремлевских башен в водной глади. Мастера прошлого знали толк в красоте.

Исполинская часовня

Собор Покрова что на Рву (храм Василия Блаженного) (Красная площадь) построен в 1561 году по проекту архитекторов Бармы и Постника Яковлева.

Этот храм – один из самых старых в городе Москве. Он был построен по велению самого Ивана Грозного в честь взятия русскими войсками города Казани. Правда, поначалу храм был белоснежным, с золотыми куполами. Только в семнадцатом столетии ему придали современный, пестрый вид, отчего облик собора только выиграл.

Строительство, что называется, овеяно легендами – как, впрочем, многое происходившее в эпоху Грозного царя. Толком не известно даже то, кто именно построил этот храм. По одним сведениям это были два архитектора – Постник Яковлев и Барма. А по другим – всего лишь один, некий Барма, прозванный за скромный образ жизни Постником.

В 1552 году, сразу же после взятия Казани Иван Грозный повелел: «Делати церковь обетная еже обещался во взятие Казанское Троицу и Покров и семь приделов».

Царь якобы распорядился, чтобы авторы (или же автор?) выстроили церковь, равной которой нет на свете. И когда они закончили работу, пригласил их и спросил – способны ли они построить церковь еще лучше этой. Те, рассчитывая на повторный выгодный заказ, сказали, что способны. Тогда царь ослепил архитекторов.

Документальных подтверждений этой выходки Ивана Грозного не существует – есть лишь легенда. Но очень уж это в характере царя. И, как говорится, если бы такого события не было, его следовало бы придумать.

Вот и придумали (а может быть, и вправду было?). И подхватили. И вошла эта история в поэзию, в фольклор – куда только возможно.

Самое же знаменитое произведение на этот счет – баллада Дмитрия Кедрина «Зодчие»:

И спросил благодетель:
«А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю?»
И, тряхнув волосами,
Отвечили зодчие:
«Можем!
Прикажи, государь!»
И ударились в ноги царю.
И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в Суздальских землях
И в землях Рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!

Особенное же значение балладе придавало то, что Кедрин написал ее в 1938 году, когда затрагивать такие темы было, мягко говоря, небезопасно. Однако же в случае с Кедриным все обошлось.

Кстати, этот храм – в действительности даже и не храм, а всего-навсего часовня. Внутри практически нет места для молящихся – таинственные узенькие лестницы, тесные галерейки, переходики. Замысел состоял в том, чтобы молящиеся размещались на громадной Красной площади, а в самом соборе только велась служба.

Пространство же вокруг этого храма сразу сделалась московской биржей бесприходных батюшек. Как правило, нетрезвые и опустившиеся, они толпились в ожидании заказа – что-нибудь освятить, кого-нибудь отпеть или же окрестить.

Брали эти батюшки гораздо меньше, чем приличные, из храма. И, разумеется, в клиентах дефициту не было.

* * *

В 1588 году к храму пристроили новый придел – в честь Василия Блаженного, самого знаменитого московского юродивого, которого здесь же захоронили. Жизнь его была своего рода воплощением юродства. Василий славился на всю страну. Он в любой мороз ходил босым, носил одну лишь драную рубашку. Мог исцелять, предсказывать, творить другие чудеса. Не боялся говорить царям всякие нелюбезные слова, частенько осуждая их деяния. И ни разу не был за это наказан. Ведь считалось, что Василий – божий человек, и обижать его – великий грех.

По преданию, как-то после литургии блаженный подошел к Ивану Грозному и произнес:

– Я знаю, где ты был сейчас.

– Нигде я не был, только в храме, – ответил изумленный царь.

– Нет, ты был в другом месте – на Воробьевых горах, – сказал Василий Блаженный.

Царь Иван действительно на протяжении всей литургии не молился, а придумывал, какой бы себе выстроить дворец на Воробьевых. Он устыдился и стал еще больше считаться с юродивым.

В другой раз во время царского обеда Василий трижды подходил к окну и выливал туда вино.

– Что ты делаешь? – спросил царь.

– Тушу пожар в Новгороде, – ответил юродивый.

Впоследствии выяснилось, что в это время Новгород и вправду загорелся, а жители его встречали босого старика, который ходил по горящему городу и заливал водой пылающие дома. Молитвою Василия Блаженного город удалось спасти от разрушения.

И таких историй – множество.

Неудивительно, что старое название – храм Покрова что на Рву – постепенно уступило место новому – храм Василия Блаженного. Пушкин же в своем «Борисе Годунове» зашифровал под юродивым Николкой именно этого святого. Действительно, между Борисом Годуновым и юродивым происходит очень характерный диалог:

– Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

– ...Молись за меня, бедный Николка.

– Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит.

И не важно, что к Смутному времени Василий Блаженный скончался. Пушкин все-таки писал произведение художественное и мог себе подобное позволить.

* * *

Да что там Пушкин со своим Борисом Годуновым! Василия Блаженного до революции видели в снах! Один из таких своих снов рассказывал писатель А. М. Ремизов: «Толпа, крикнув, осадила, головы обнажились, а на Лобном месте показался маленький человечек: он был в высоких воротничках и смокинге, а голова его была повязана платком по-бабьи.

– Юродивый, – прокатилось по площади из уст в уста, – это юродивый сам...

– Садитесь, господа, – сказал Юродивый, кланяясь во все четыре стороны: Кремлю, Замоскворечью, Историческому музею и Рядам».

Действительно, в Москве был настоящий культ Василия Блаженного – иначе бы такая чушь ни в коем разе не нагородилась бы писателю А. Ремизову.

* * *

Храм изумлял своей роскошью и колоритом. Известный путешественник, исследователь и публицист француз маркиз де Кюстин писал в 1839 году: «Собор Василия Блаженного, без сомнения, если не самая красивая, то уж во всяком случае самая своеобразная постройка в России. Я видел его лишь издали и совершенно очарован. Вообразите себе скопище маленьких, разной высоты, башенок, составляющих вместе куст, букет цветов; вернее, вообразите себе корявый плод, весь усеянный наростами, дыню-канталупу с бугристыми боками, или, еще лучше, разноцветный кристалл, ярко сверкающий своими гладкими гранями в солнечных лучах, как бокал богемского или венецианского стекла, как расписной дельфтский фаянс, как лаковый китайский ларец: это чешуйки золотых рыбок, змеиная кожа, расстеленная поверх бесформенной груды камней, головы драконов, шкура хамелеона, сокровища алтарей, ризы священников; и все это увенчано переливчатыми, как шелка, шпицами; в узких просветах между нарядными щеголеватыми башенками сияет сизая, розовая, лазурная кровля, такая же гладкая и сверкающая на солнце; эти пестрые ковры слепят глаза и чаруют воображение. „Нет сомнения, что страна, где подобное здание предназначено для молитвы, не Европа, это Индия, Персия, Китай, и люди, которые приходят поклониться Богу в эту конфетную коробку – не христиане!“ Такое восклицание вырвалось у меня, когда я впервые увидел необычную церковь Василия Блаженного; с тех пор как я в Москве, единственное мое желание – как следует рассмотреть этот причудливый шедевр, который столь необычен, что отвлек меня от Кремля в миг, когда этот грозный замок впервые явился моему взору».

С детства привыкший к строгим католическим костелам, украшенным оскаленными мордами страшных чудовищ, маркиз не верил в то, что христианский храм может быть ярким и нарядным.

Однако же недолго продолжал тот путешественник испытывать восторг по поводу Василия Блаженного. Желание маркиза сбылось, и храм он рассмотрел «как следует». И что же?

«Теперь он был прямо передо мной, но какое разочарование!!.. Множество лукович-куполов, среди которых не найти двух одинаковых, блюдо с фруктами, дельфтская фаянсовая ваза, полная ананасов, в каждый из которых воткнут золотой крест, колоссальная гора кристаллов – все это еще не составляет памятника архитектуры; увиденная с близкого расстояния, церковь эта сильно проигрывает. Как почти все русские храмы, она невелика, бесформенная ее колокольня хороша только издали, а неизъяснимая пестрота скоро наскучивает внимательному наблюдателю; довольно красивая лестница ведет на крыльцо, откуда богомольцы попадают внутрь храма – тесного, жалкого, ничтожного».

Как говорится, о вкусах не спорят.

Зато немец Блазиус сравнивал собор Покрова что на Рву с известным Кельнским собором – по значимости. Он писал: «Все путешественники прямо или не прямо, но в один голос заявляют, что церковь производит впечатление изумительное, поражающее европей-

скую мысль. Когда я сам в первый раз неожиданно увидел это чудовище, то никак не мог опомниться и понять, что это такое: колоссальное растение, группа крутых скал или здание? ...Рассмотревши, что действительно это церковь, и тут ничего не понимаешь, не видишь, сколько сторон у здания, где его лицо – фасад, сколько всех башен стоит в этой группе? Входишь, наконец, в храм, тесный, мрачный, в высшей степени неправильный, и окончательно теряешься в соображениях, каким образом ничтожное внутреннее пространство церкви вяжется с ее наружным объемом, на вид колоссальным и обширным. Чудище становится еще загадочнее!»

Поражал тот храм и свиту датского герцога Иогансона. Один из сопровождавших эту важную особу сообщал: «Перед замком (то есть Кремлем – АМ.) большая и длинная четверугольная площадь, а на южном конце ее – круглая площадка, на которой стоит храм, называемый Иерусалим. Этот храм выстроен почти четверугольником, только с очень многосторонним искусством всякого рода и вида; на нем девять башен, крытых листовою медью, и при том так искусно и разнообразно, что только дивишься. Внутри снизу доверху, в нем все поделаны часовенки или божницы; тут русские ставят своих святых и богов; нижние днем и ночью отворены настежь: в них всегда горят восковые свечи, и все русские, по своей набожности, ходят туда молиться, для того-то денно и ночью держат там всегда сторожей, а возле стоит высокая стена с несколькими сводами, в которых висят 12 больших и малых колоколов».

Кстати, очень много иностранцев утверждало, что храм Василия Блаженного – на самом деле Иерусалим. Вероятно, им так объясняли всегда охочие до шуток москвичи.

* * *

В 1895 году Василия Блаженного чуть было не сгубили. Нет, речь о сносе, разумеется, не шла. Напротив, храм пытались реставрировать. Однако же профессионализм реставраторов был не на высоте.

Можно сказать, что уберегли собор два художника – Михаил Нестеров и Аполлинарий Васнецов.

Михаил Нестеров писал своей сестре: «Теперь мы пристально следим за ремонтом храма Василия Блаженного, все красят и начали было портить Василия Блаженного, но мы с Аполлинарием восстали, пожаловались Забелину, и теперь нам на утешение стали подбирать тона окраски строже, по старым цветам».

Кстати та реставрация сделалась поводом еще к одному нападению на храм. «Московский листок» сообщал в октябре 1897 года: «Вчера сторож собора св. Василия Блаженного на Красной площади, отставной унтер-офицер Шумаль заявил полиции о покушении на кражу со взломом, совершенном неизвестным злоумышленником. Пользуясь тем, что снаружи храма происходит ремонт и весь собор обнесен лесами, он забрался на кровлю и, проникнув к среднему куполу, взломал проволочную решетку в окне, разбил стекла в раме и через образовавшееся отверстие спустил канат, которым рабочие поднимали разного рода тяжести. По этому канату злоумышленник спустился внутрь собора. Тут он каким-то орудием взломал свечной ящик, но ничего из храма не похитил и скрылся, выйдя через дверь, имеющуюся в галерее второго этажа, откуда и спустился по лесам на улицу. Внутренний замок двери был отперт тем ключом, который неизвестный взял из свечного ящика; ключ этот он оставил в двери».

Почему вдруг передумал этот злоумышленник? Бог весть.

* * *

До революции, пока столица размещалась в Петербурге, а Кремль и Красная площадь не имели подлинного государственного статуса – только символический, торговый

и, конечно, туристический, храм Василия Блаженного был в первую очередь яркой игрушкой – любимой всеми и доступной каждому. Иван Шмелев писал в своей прекрасной зарисовке под названием «Весенний ветер»: «Многоглавый и весь расписной Блаженный цветет на солнце, над громким и пестрым торгом, – пупырьями и завитками, кокошничками и колобками цветных куполов своих, – главный хозяин праздника. Глазеют-пучатся веселые купола его, сияют мягко кресты над ним, и голубиные стаи округ него. Связки шаров веселых вытягиваются к нему по ветру. А строгие купола соборов из-за зубчатых кремлевских стен, в стороне от крикливой жизни, не играя старинной позолотой, – милостиво взирают на забаву.

Взглядывают на них от торга – и вспоминают: «Пасха!» И на душе теплеет».

А Анатолий Мариенгоф и вовсе сравнивал Василия Блаженного с итальянским арлекином, поставленным на голову посреди Москвы.

И никаких, естественно, ассоциаций ни с Иваном Грозным, ни с лишенным зрения Бармой. Разве что герой романа «Китай-город» П. Д. Боборыкина задумывался: «Вышел он на Красную площадь... Глаз достигал до дальнего края безоблачного темнеющего неба. Девять куполов Василия Блаженного с перевитыми, зубчатыми, точно булавы, глазами, пестрели и тешили глаз, словно гирлянда, намалеванная даровитым ребенком, разыгравшимся среди мрака и крови, дремучего холопства и изуверных ужасов Лобного места. „Горячая греза зодчего“, – перевел про себя Пирожков иноземную фразу француза-судьи, недавно им вычитанную».

Впрочем, про выколотые глаза и здесь ни слова.

А еще у подножия этого храма действовал странный аттракцион. Тут размещались торговки моченым горохом. Но продавали его не для человеческого потребления, а для кормления голубей. При этом голубей кормил не покупатель, а торговка.

Птичий любитель платил деньги, после чего торговка лично рассыпала свой горох прямо на мостовую. Голуби дежурили неподалеку. Они сразу подлетали и расклевывали лакомство.

Голуби были фамильярными. Они привыкли к теткам, постоянно тут стоящим и владеющим столь вожаделанным лакомством. Садись им на плечи и на головы. Тетки, в свою очередь, тоже привыкли к голубям и не гоняли их.

* * *

После революции храм сделался одним из символов старого мира – архаичного, посконного, изжившего себя. Все кому не лень пытались противопоставить ему новый мир, бодрый, практичный и функциональный. Архитекторы, художники, даже поэты.

Неизвестный ныне Рюрик Рок писал:

Василий Блаженный
в тучи —
винты куполов
и звонов жало,
а я винтом слов
ноги скручиваю,
волна которых
меня качала.

И в этом явствовало подражание «Оде революции» В. Маяковского:

А завтра

Блаженный
стропила соборы
тщетно возносит, пощаду моля, —
твоих шестидюймовок тупорылые боры
взрывают тысячелетия Кремля.

А конструктивист из Франции Шарль Эдуард Ле Корбюзье сравнивал Василия Блаженного с гигантской горой разномастных овощей.

Словом, творческие люди состязались в вариациях на тему.

Правда, старая интеллигенция слагала несколько другие вирши. Например, Максимилиан Волошин написал стихотворение «Москва»:

На рву у места Лобного,
У церкви Покрова
Возносят неподобные
Нерусские слова.

Ни свечи не засвечены,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.

Но подобных недовольных граждан было меньшинство.

* * *

В 1919 году в храме вдруг запретили читать тропарь мученику Гавриилу. Формулировка была потрясающая: «Употребление тропаря гл. 5 и кондака гл. 6 в честь отрока Гавриила, как определенно человеконенавистнического и контрреволюционного характера, развращающего правосознание трудящихся, считать недопустимым, и лиц, их публично употребляющих, привлекать к ответственности за контрреволюционные деяния».

Младенец (а не отрок, как значится в этом документе) Гавриил пал жертвой ритуального убийства, совершенного воинствующими иудеями. В тропаре, однако, сложно было усмотреть не то чтоб антиреволюционные и человеконенавистнические — даже антисемитские воззвания.

Но у комиссаров была своя логика.

А вскоре после этого и настоятель храма, отец Иоанн был приговорен к расстрелу — «как темная личность и враг трудящихся». Причиной был все тот же младенец Гавриил, о котором продолжал распространяться батюшка Иоанн.

Храм же, разумеется, закрыли. И немецкий гость Москвы Вальтер Беньямин сетовал: «В первой половине дня в соборе Василия Блаженного. Его наружные стены лучатся теплыми домашними красками над снегом. На соразмерном основании вознеслось здание, симметрию которого не увидишь ни с какой стороны. Он все время что-то скрывает, и застать врасплох это строение можно было бы только взглядом с самолета, против которого его строители не подумали обезопаситься. Помещения не просто освободили, но выпотрошили, словно охотничью добычу, предложив народному образованию как „музей“. После удаления внутреннего убранства, с художественной точки зрения — если судить по оставшимся барочным алтарям — по большей части, вероятно, ценности не представляющего, пестрый растительный орнамент, буйно покрывающий стены всех галерей и залов, оказался безнадежно обнаженным; к сожалению, он исказил, превратив игру в стиле рококо, явно более раннюю

роспись, которая сдержанно хранила во внутренних помещениях память о разноцветных спиралях куполов. Сводчатые галереи узки, неожиданно расширяясь алтарными нишами или круглыми часовнями, в которые сверху через высоко расположенные окна проникает так мало света, что отдельные предметы церковной утвари, оставленные здесь, с трудом можно разглядеть. Однако есть одна светлая комнатка, пол которой покрывает красная ковровая дорожка. В ней выставлены иконы московской и новгородской школы, а также несколько, должно быть, бесценных евангелий, настенные ковры, на которых Адам и Христос изображены обнаженными, однако без половых органов, почти белые на зеленом фоне. Здесь дежурит толстая женщина, по виду крестьянка: хотел бы я слышать те пояснения, которые она давала нескольким пришедшим пролетариям».

Сам Беньямин был философом и искусствоведем и, скорее всего, разбирался в живописи лучше, чем смотрительница, которую он по ошибке принял за экскурсовода.

* * *

Однако в тридцатые годы, когда обсуждался вопрос реконструкции города, первый секретарь Московского комитета большевиков Лазарь Каганович, желая подольститься к Сталину, снял с макета Красной площади храм Василия Блаженного – дескать, лучше без него.

По всей стране сносились церкви, в одной только Москве на тот момент было разрушено более сотни храмов, в том числе и знаменитый храм Христа Спасителя – гигантский памятник победы над Наполеоном. Вождю должно было понравиться такое предложение.

Но надежды Кагановича не сбылись.

– Лазарь, поставь церковь на место, – с угрозой в голосе произнес Сталин.

Лазарь Моисеевич трясущийся рукой вернул макет. Судьба храма была решена окончательно.

Правда, существовала другая легенда: якобы известный реставратор Петр Барановский заперся в храме Василия Блаженного и отправил телеграмму Сталину – дескать, если сносить этот храм, то уж вместе со мной. И объявил голодовку. Но, во-первых, странным кажется тот факт, что эта телеграмма была послана – ведь речь идет о церкви, а не о почтовом отделении. А во-вторых, когда решалась судьба храма, Петр Дмитриевич пребывал, как тогда говорили, в местах не столь отдаленных, и запереться в соборе в принципе не мог.

Впрочем, осужден он был именно за защиту этого храма.

Барановский вспоминал: «Весной 1936 года меня вызвали в одно высокое учреждение и предложили срочно заняться новой работой – обмерить и составить смету на снос храма Покрова на Рву.

– Принято решение о разборке церкви, – сказали мне, – она мешает автомобильному движению через Красную площадь.

– Это безумие! Безумие и преступление одновременно! Я ничего для сноса делать не стану, а снесете – покончу с собой».

После этого ответа Барановского сразу арестовали и отвезли в тюрьму. Так что, разумеется, мнение одного из многочисленных гулаговских сидельцев не могло определить судьбу храма Василия Блаженного.

Не для лбов

Лобное место (Красная площадь) сооружено в 1534 году.

Рядышком с храмом Василия Блаженного – затейливая круглая возвышенность. Это знаменитое Лобное место. Возвели его в шестнадцатом столетии, а нынешний свой вид Лобное место приобрело в 1786 году после того, как было перестроено известным русским зодчим Казаковым. Сама Екатерина лично повелела заменить морально-устаревшее кирпично-деревянное Лобное место на более современное и более торжественное, из дикого белого камня, с каменными же перилами.

Во времена правления сына великой императрицы, Павла Первого, московские купцы решили расстараться, сброситься и установить на Лобном месте гигантский деревянный крест, хранившийся в Сретенском монастыре. А над ним – купол от непогод. Сам митрополит Платон одобрил этот план. Однако крест поставлен не был. Вероятно, не хватило средств на купол.

Лобное место, тем не менее, вошло в историю. Иван Грозный отсюда торжественно клялся, что будет блюсти интересы народа. Лжедмитрий Первый, стоя на Лобном месте, просил перед народом оправдания. Однако же народ его буквально растерзал, бросив тело рядышком с Лобным местом и вложив ему в руки маску, дудку и волынку – символ враждебных православию европейских идеалов. Василий Шуйский именно на этом возвышении был провозглашен царем.

А при Петре Первом Лобное место «украсили» головами казненных стрельцов.

В Вербное воскресенье именно от Лобного места начиналось знаменитое шествие патриарха на осляти (а «ослятию» вел сам царь). А в семнадцатом столетии у подножия этой возвышенности были установлены грозные пушки – для острастки. Впрочем, пушки вовсе не воспринимались как важный стратегический объект. Польский дворянин В. Немоевский сообщал: «Вблизи этого места стоит большое и длинное орудие, в котором рослый мужчина может сесть, не сгибаясь, я сам это испытал». К тому же воспитательный эффект несколько уменьшался тем, что здесь же размещался и кабак, носивший гордое название «Под пушками».

При Екатерине на Лобном месте стояла горе-помещица, злодейка Салтычиха – в саване, со свечкой и с листом бумаги на груди. На листе значилось: «Мучительница и душегубица». И это соответствовало истине.

А в войну с Наполеоном здесь вершили показательные казни. Один из таких случаев описан Львом Толстым в «Войне и мире»: «Пьер увидел толпу у Лобного места, остановился и слез с дрожек. Это была экзекуция французского повара, обвиненного в шпионстве. Экзекуция только что кончилась, и палач отвязывал от кобылы жалостно стонавшего толстого человека с рыжими бакенбардами, в синих чулках и зеленом камзоле. Другой преступник, худенький и бледный, стоял тут же. Оба, судя по лицам, были французы. С испуганно-болезненным видом, подобным тому, который имел худой француз, Пьер протолкался сквозь толпу.

– Что это? Кто? За что? – спрашивал он. Но внимание толпы – чиновников, мещан, купцов, мужиков, женщин в салопах и шубках – так было жадно сосредоточено на то, что происходило на Лобном месте, что никто не отвечал ему. Толстый человек поднялся, нахмурившись, пожал плечами и, очевидно, желая выразить твердость, стал, не глядя вокруг себя, надевать камзол; но вдруг губы его задрожали, и он заплакал, сам сердясь на себя, как плачут взрослые сангвинические люди. Толпа громко заговорила, как показалось Пьеру, – для того, чтобы заглушить в самой себе чувство жалости.

– Повар чей-то княжеский...».

* * *

Считается, что странное название – Лобное место – появилось оттого, что здесь рубили головы преступникам. Однако это – заблуждение. Сооружение всего-навсего стоит на возвышении, то есть, на «взлобье».

А казнили здесь всего лишь один раз.

5 июля 1682 года в Кремле, в Грановитой палате состоялась знаменитая «Пря о вере» – публичный диспут между старообрядцами, возглавляемыми писателем Никитой Константиновичем Добрыниным, более известным как Никита Пустосвят, и последователями Никона. Результатом этой дискуссии стала казнь Никиты Пустосвята на Лобном месте и повальное бегство преследуемых старообрядцев за Урал.

Правда, в 1610 году тут собирались обезглавить свергнутого государя Василия Ивановича Шуйского. Но в последнюю минуту наказание смягчили – бывшего царя всего-навсего заставили принять монашій чин.

В действительности же Лобное место использовали в качестве трибуны – отсюда обращались к народу цари, а думные дьяки читали указы. А потом уже народ, собравшийся на главной площади, разносил новости по всей стране.

Тем не менее, заблуждение насчет отрубленных голов было весьма распространенным.

Именно Лобное место возникало в памяти многих, когда речь заходила о репрессиях и казнях.

А. Мариенгоф писал в повести «Циники» о Москве 1918 года: «У Ольги лицо ровное и белое, как игральная карта высшего сорта из новой колоды. А рот – туз червей.

– Хочу мороженого.

Я отвечаю, что Московский Совет издал декрет о полном воспрещении «продажи и производства»:

– ...яства, к которому вы равнодушны.

Ольга разводит плечи:

– Странная какая-то революция.

И говорит с грустью:

– Я думала, они первым делом поставят гильотину на Лобном месте.

С тонких круглоголовых лип падают желтые волосы.

– А наш конвент, или как он там называется, вместо этого запрещает продавать мороженое».

* * *

Считалось, кстати, что на Лобном месте кончил свою жизнь мятежник Степан Разин, поднявший в 1670 году гигантское восстание против царя. И поэтому в 1919 году тут был открыт памятник Разину работы скульптора Сергея Коненкова. Он представлял из себя деревянную скульптуру в полный рост, вокруг которой разместились ближайшие сподвижники смутьяна.

Газета «Вечерние известия» писала 2 мая 1919 года: «На Лобном месте в центре высится фигура Степана Разина; рядом, немного выдвинутая вперед, полулежит персидская княжна; сбоку ватага, ближайшие друзья Разина – Ефимыч Рулевой, Митрич Борода, есаул Васька Ус, Петруха Губанов и татарин Ахмет Иваныч. Остальные фигуры, по сообщению скульптора, будут выставлены к 6 июля (дню казни Разина)».

Сам скульптор Коненков вспоминал: «Красная площадь была переполнена. Море голов и знамен. Чудесный весенний первомайский день. На открытие памятника прибыли пред-

ставители революционного казачьего комитета. В этом была своеобразная перекличка веков. Красные кавалеристы с пиками красовались на чистокровных кончаках, как былинные герои, – наследники славы Разина. И все это происходило там, где два с половиной века назад, на черной плахе, установленной против Лобного места, стрельцы четвертовали народного героя».

На открытии памятника присутствовал сам Ленин. Он, конечно же, выступил с речью: «Это Лобное место напоминает нам, сколько столетий мучились и тяжело страдали трудящиеся массы под игом притеснителей, ибо никогда власть капитала не могла держаться иначе, как насилием и надругательством, которые даже и в прошедшие времена вызывали возмущения. Этот памятник представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу. Много жертв принесли борьбе с капиталом русские революционеры. Гибли лучшие люди пролетариата и крестьянства, борцы за свободу. И мы сделаем все для этой великой цели, для осуществления социализма».

Ленин тоже заблуждался насчет казни Разина.

Даже знаменитый знаток Москвы Владимир Гиляровский поначалу заблуждался на сей счет. И первая редакция его поэмы, посвященной Разину, содержала вот такое исторически неверное четверостишие:

Утро ясно встает над Москвою,
Солнце ярко кресты золотит,
А народ еще с ночи толпою
К Красной площади, к казни спешит.

Но уже в 1890-е годы Гиляровский установил, что местом казни Стеньки была вовсе не Красная, а Болотная площадь. Естественно, публиковать подобное открытие в то время не было возможности, и Владимир Алексеевич лишь передавал его своим приятелям изустно.

Увы, ни Ленин, ни Коненков в их число не входили.

А ведь еще в 1842 году историк и писатель Михаил Загоскин сообщал широкой публике: «На этом Лобном месте никого не казнили, с него объявляли только царские указы и совершали молебствования».

Вероятно, сочинения Загоскина тоже не пользовались популярностью среди сторонников революционных преобразований.

* * *

Памятник Степану Разину простоял на Лобном месте всего несколько дней, после чего его перенесли в один из городских музеев – «Первый Пролетарский», а после – в Музей революции.

Решение о переносе оскорбило друзей скульптора Коненкова, авангардистских поэтов, художников и режиссеров. Памятник кочевал по музеям, а они только и знали, что делать рекламу его очередному пристанищу. Спрашивали у своих знакомых:

– А ты был в Музее революции?

– Нет.

– Дурной ты! Как же это можно допустить, ведь тут Сергея Тимофеевича «Стенька Разин» – гениальная вещь!

Еще бы – памятник убрали не откуда-нибудь, а с главной площади страны. Такой удар не просто было вынести.

Конечно, профессионалы понимали цену коненковскому шедевру. Искусствовед В. Н. Терновец писал о памятнике: «Произведение, несомненно, самое значительное

и яркое из всего, что было создано в революционную эпоху, осталось неоцененным. Пусть группа проигрывала на Красной площади – в стенах мастерской и позже, в комнатах музея она захватывает своей эпической мощью. Лица Разина и его товарищей дышат ширью Волги, жаждой приволья, разбоя и удали. Скованность поз, еле намеченные резцом складки одежды – дерево раскрашено в живопись, несет здесь функции скульптуры, – все, – дышит величавой простой и красочностью, которой богата народная жизнь».

Однако же для большинства московских жителей памятник прекратил свое существование, по сути, так и не начав его.

* * *

Даже во вполне научном и аполитичном путеводителе 1937 года под названием «Осмотр Москвы» значится: «Против собора – Лобное место, отделанное при Екатерине II архитектором Казаковым. Отсюда объявлялись народу царские указы, и здесь же производились публичные казни. От отсеченных голов – лбов оно и получило свое название».

И долго еще по Москве ходили сказки: «А Лобное это место вот почему: ведь когда надо было рубить голову человеку или, скажем, только спустить с него шкуру, сейчас велят ему молиться и кланяться народу. Вот он и молится, и кланяется, стучается лбом... Вот от этого самого оно и есть Лобное... Ну, тоже когда голову снесут: упадет и стучается лбом... Мало ли голов слетало – все кровью залито было... Вот оно, какое это место».

Все-таки некоторые мифы поразительно и противостоительно устойчивы.

Лавки не для сидения

Здание Гостиного двора (улица Ильинка, 2) построено в 1805 году по проекту архитектора Д. Кваренги.

В дореволюционную эпоху Китай-город считался таким купеческим центром Москвы. Гостиный же двор – центром этого центра.

Нечто подобное упоминал Сигизмунд Герберштейн в далеком шестнадцатом веке: «Недалеко от крепости (в смысле, от Кремля – АМ.) есть большой, обнесенный стенами дом, называемый двором господ купцов, в котором купцы живут и хранят свои товары».

Спустя столетие двор перестроили, и другой иностранец вспоминал о нем в таких словах: «Двор так заполнен санями, всякими товарами и народом, что нельзя пройти, но нужно беспрестанно пролезать. Тогда там найдешь осетров и стерлядей, лежащих для продажи многими сотнями друг на друге, также много черной икры».

Здесь же находилась и аптека – первая в Москве. Профиль того медицинского учреждения был, мягко говоря, своеобразен: «Указал Великий Государь продавать из нее спирты, водки и всякие лекарства всяких чинов людям по указной книге».

То есть по рецепту.

Когда же в 1805 году открыли новенькое здание Гостиного двора, большинство жителей Москвы даже и не подумало воспринимать его как нечто принципиально новое и современное. Николай Карамзин в своей дотошной «Записке о московских достопамятностях», составленной в 1817 году, спустя всего-то ничего после постройки этого сооружения, и вовсе не счел нужным останавливаться на обновке: «В Китае-городе... представляется глазам нашим богатейший, огромнейший Гостиный двор в России. Он стоит на сем месте уже пятый век. Древнейшие иноземные путешественники удивлялись там богатству и дешевизне Азиатских товаров. Старые имена некоторых рядов ныне уже непонятны, наприм.: Суровского, Москатильного; первый назван так от города Сурожа, или Судака, откуда шли в Москву шелковые ткани».

Новое сооружение было довольно далеко от совершенства. Александр Ушаков (писавший о Москве под звучным псевдонимом Н. Скавронский) сетовал: «Гостиный двор представляет... неудобства... потому что, продуваемый насквозь, защищен крайне плохо разбитыми во многих местах ветхими рамами и нижнею своею частию совершенно открыт всем причудливым фантазиям нашего климата, дарящим нас хоть бы такою зимою, как прошлая, или хоть подобным мартом или апрелем, как текущего года. Был план сделать теплым Гостиный двор, сделана была, как мы слышали, и смета, собиралась для этого компания, но дело остановилось ни на чем. Не потому ли, может быть, что большинство лавок и в Гостином дворе, и в Городе (в Китае-городе – АМ.) принадлежит людям, защищенным от холода своею собственною шубою, слоем жира в несколько пальцев толщины и подогревающими винными парами?»

А в ночное время было страшно даже появляться рядышком с этим торговым комплексом. Бытописатель П. Богатырев с ужасом вспоминал: «Здесь на ночь арки загораживались досками, а сторожа спускали под арки огромных, очень злых овчарных собак, готовых разорвать каждого смельчака, пожелавшего проникнуть в амбар за чужим добром», – не исключая, что иная чересчур усердная «овчарная собака» вылезала поохотиться на улицу Ильинку.

В начале же двадцатого столетия Гостиный двор более-менее исправили. Да и ритм жизни этого учреждения начал убыстряться – подстать ритму века. Живо и в подробностях его описывал Петр Боборыкин: «Пробило три часа. В рядах старого Гостиного двора притихло. И с утра в них мало движения. Под низменными сводами приютились „амбары“...

Эти лавки смотрят невзрачно, за исключением нескольких, отделанных уже по-новому – с дорогими стеклами в дубовых и ореховых дверях с фигурными чугунными досками. Вдоль стен стоят соломенные диваны и козлы, на каких купцы любят играть в „дамки“ и „поддавки“. Кое-где сидят сухие пожилые приказчики в длинных ваточных чуйках или просторных пальто с бобром и однозвучно перекидываются словами. Выползет с внутреннего двора, из-под сводчатых ворот, огромный воз с товаром. Лошадь встанет, вся вытянется, напрягутся жилы».

Снаружи двор, похоже, был всегда невзрачным, покосившимся, облезлым. Зато внутри – множество разных миров. Каждый был волен обустроить свою контору как угодно. Кто-то экономил, вкладывая деньги в оборот. Кто-то, наоборот, заботился о респектабельности офиса. Например, купец Н. Варенцов писал о посещении конторы купцов Хлудовых: «Расторопный артельщик, снявший с меня пальто, указал путь в правление, находящееся на втором этаже, там другой артельщик пошел доложить директорам. Принят был немедленно».

Что ж, Хлудовы за репутацией следили.

Впрочем, не все было гладко у этих купцов. Продолжение истории таково: «В кабинете застал двух директоров: Дмитрия Родионовича Вострякова и Николая Александровича Лукутина.

Увидя меня, входящего, Востряков как-то неестественно быстро вскочил со стула и бросился ко мне навстречу здороваться; его низкие поклоны с усаживанием в мягкое кресло, с любезностями: «Ах! Какое счастье, что удостоили нас посетить!» – и все остальное в том же роде, показали мне, что все это продлевается с целью поставить меня в смешное и неловкое положение, с очевидным желанием своим паясничеством отвести меня от дальнейших посещений их амбара. Мне было известно, что третий директор, Александр Александрович Найденов, близкий родственник моей жене, в это время в амбаре отсутствующий, не особенно дружил с Востряковым, стремившимся всеми способами доставить Найденову какую-нибудь неприятность, а потому он в данном случае избрал меня объектом для этой цели.

Я, сильно смущенный его красноречием по поводу меня, поспешил остановить поток красноречия Вострякова, сразу переведя разговор на деловую почву: предложил купить партию хлопка по весьма дешевой цене. Здесь лицо Вострякова сразу изменилось: глаза сделались злыми, веки захлопали, и он ответил: «Нет-с, благодарю Вас за предложение, но купить не можем-с. Хлопка у нас уже много куплено... Да, впрочем, должен сказать, и цена ваша дорога, я имею предложения дешевле!»

Мне стало ясным, что он врет: цена хлопку умышленно была назначена чрезвычайно дешево, с желанием впервые продать этой фирме; другие конкуренты мои не стали бы продавать по этой цене. Я встал с кресла, чтобы раскланяться, в это время Востряков побежал к корзине с фруктами, стоящей на другом столе, и бросился угощать меня, опять с разными любезностями, кланяясь почти до земли и, как мне казалось, с желанием потешить своего шурина Лукутина»

Что поделать? Нервная эпоха, конец девятнадцатого века.

Здесь же, во дворе располагались и хранилища. Точного назначения у помещений не было. Случалось, что еще вчера в комнате за столом сидел купец и принимал своих партнеров, а сегодня она вся до потолка была завалена какой-нибудь овечьей шерстью.

Иной раз в Гостином дворе пробуждалась жизнь общественная. Но в основном московские предприниматели не доверяли всяческим демократическим затеям. Тот же Варенцов описывал, как Тимофей Морозов пытался создать в этих стенах этакий купеческий союз: «Собралось человек тридцать с чем-то... Купечество... посмотрело на Морозова и его единомышленников как на вольнодумцев, могущих вовлечь их в конфликт с властями...

а потому некоторые из них постарались незаметно уйти из собрания, так сказать, подальше от греха, для чего незаметно опустились на пол и на четвереньках выползли из комнаты заседания».

Самым же вожаемым уголку Гостиного двора был, разумеется, трактир. Писатель Теофиль Готье с восторгом вспоминал о его посещении: «Приятель мой повел меня в ресторан, находившийся в конце Гостиного двора: как раз напротив Кремля. Мы поднялись по натопленной лестнице и очутились в вестибюле, походившем на магазин нужных товаров. Нас мгновенно освободили от шуб, которые повесили рядом с другими на вешалку. Что касается шуб, русские слуги не ошибаются и сразу надевают вам на плечи именно вашу, без номерка, и не ожидая никакого знака благодарности. В первой комнате находилось нечто вроде бара, переполненного бутылками кюммеля, водки, коньяка и ликеров, икрой, селедками, анчоусами, копченой говядиной, оленьими и лосиными языками, сырами, маринадами, деликатесами, предназначенными разжечь аппетит перед обедом».

Да уж, для экономных европейцев это – роскошь невообразимая.

Теплые ряды

Здание Теплых рядов (улица Ильинка, 3) построено в 1865 году по проекту архитектора А. Никитина.

Так называемые Теплые (то есть крытые и, более того, отапливаемые) торговые ряды, которые выходят на Ильинку и Ветошный переулок были выстроены в конце позапрошлого столетия тем же архитектором, который построил Верхние торговые ряды, нынешний ГУМ, – А. Померанцевым. Кстати, при советской власти Теплые ряды так и назывались – Малый корпус ГУМа. Однако же новейшая история Москвы распорядилась несколько иначе. ГУМ остался ГУМом, а его бывший Малый корпус – просто так.

На самом деле Теплые торговые ряды – это громадный комплекс, занимающий чуть ли не целиком квартал (Померанцев всего-навсего поставил точку в этом затянувшемся строительстве). И входили в этот комплекс не только помещения для торговли, но и множество других занятных и полезных составляющих. Например, Ильинский храм, стоящий здесь еще с шестнадцатого века, с тех времен, когда тут находился Ильинский монастырь (он, собственно, и дал название всей улице).

Тот же корпус, что выходит на Ильинку, спроектировал архитектор Никитин в 1865 году.

Ильинский храм построен был в 1519 году (правда, позднее его перестроили) на деньги некого Клима Мужилы. Кем именно был этот человек, история до нас не донесла. Одно можно сказать наверняка – он был отнюдь не бедняком. Может быть, боярином, а может быть, купцом. А может быть, и не Мужилой вовсе. В те времена слова не разделялись на цензурные и нецензурные, и вполне возможно, что его фамилия писалась не через «ж», а через «д».

Сегодня этого не установить.

И. Белоусов писал о рядах: «В них были сосредоточены торговли богатых фирм мануфактуристов, шелковых фабрикантов, золотых и серебряных изделий, меховщиков, а на самой Ильинке в небольших помещениях сидели менялы, операции которых, главным образом, состояли в размене купонов

и серий с досрочно обрезанными купонами. Менялы были очень богатые люди и почти все скопцы».

А еще в Теплых рядах располагался знаменитый трактир Бубнова. Это заведение пользовалось странной славой. Владимир Гиляровский описывал трактир так: «Он занимал два этажа громадного дома и бельэтаж с анфиладой роскошно отделанных зал и уютных отдельных кабинетов. Это был трактир разгула, особенно отдельные кабинеты, где отводили душу купеческие сынки и солидные бородачи-купцы, загулявшие вовсю, на целую неделю, а потом жаловавшиеся с похмелья:

– Ох, трудна жизнь купецкая: день с приятелем, два с покупателем, три дня так, а в воскресенье разрешение вина и елтя и – к «Яру» велели...

К Бубнову переходили после делового завтрака от Лопашова и «Арсентьича», если лишки за галстук перекаладывали, а от Бубнова уже куда угодно, только не домой. На неделю разгул бывал. Много было таких загуливающих типов. Один, например, пьет мрачно по трактирам и притонам, безобразничает и говорит только одно слово:

– Сколько?

Вынимает бумажник, платит и вдруг ни с того ни с сего схватит бутылку шампанского и – хлесть ее в зеркало. Шум. Грохот. Подбегает прислуга, буфетчик. А он хладнокровно вынимает бумажник и самым деловым тоном спрашивает:

– Скольки?

Платит, не торгуясь, и снова бьет».

Впрочем, и в самих рядах кипели страсти, и не шуточные. Вот, например, заметка из «Московского листка» от 1893 года: «10 февраля на Васильевской площади, против дома Маттейсон городовым Жуковым поднята вывеска, на которой было написано „Размен денег“ и видны оттиски от бывших наклеенными на ней разных монет. Оказалось, что вывеску эту неизвестно кто стащил с дверей меняльной лавки московского купца М. Алексева в Теплых рядах на Ильинке, и что на ней было наклеено 6 серебряных рублей, 6 полтинников, 6 четвертаков и один кредитный рубль».

В этой истории чудесно все. И наивность купца Алексева, и изобретательность жулика (не стал прямо в рядах отковыривать деньги, похитил всю вывеску сразу), и усердность полиции, которая, несмотря на очевидную бессмысленность, все же установила, откуда именно была украдена столь замечательная вывеска.

Кстати, Алексеев был своего рода отважный пионер. Дело в том, что поначалу московское купечество не жаловало Теплые ряды. Во-первых, там была довольно дорогая аренда лавочек. А во-вторых, смущал сам факт температуры как в жилых домах. Купец противился: «Это что же, я зимой что ли без шубы буду торговать? Да какой же я купец, когда без шубы? Кто же мне поверит-то?»

Но со временем все эти предрассудки были благополучно изжиты.

Кстати, Теплые торговые ряды вошли в художественную литературу. Именно здесь располагался амбар Лаптевых из повести Чехова «Три года»: «Главные торговые операции производились в городских рядах, в помещении, которое называлось амбаром. Вход в амбар был со двора, где всегда было сумрачно, пахло рогожами и стучали копытами по асфальту ломовые лошади. Дверь, очень скромная на вид, обитая железом, вела со двора в комнату с побуревшими от сырости, исписанными углем стенами и освещенную узким окном с железною решеткой, затем налево была другая комната, побольше и почище, с чугунною печью и двумя столами, но тоже с осторожным окном: это – контора, и уж отсюда узкая каменная лестница вела во второй этаж, где находилось главное помещение. Это была довольно большая комната, но, благодаря постоянным сумеркам, низкому потолку и тесноте от ящиков, тюков и спящих людей, она производила на свежего человека такое же невзрачное впечатление, как обе нижние. Наверху и также в конторе на полках лежал товар в кипах, пачках и бумажных коробках, в расположении его не было видно ни порядка, ни красоты и если бы там и сям из бумажных свертков сквозь дыры не выглядывали то пунцовые нити, то кисть, то конец бахромы, то сразу нельзя было бы догадаться, чем здесь торгуют. И при взгляде на эти помятые бумажные свертки и коробки не верилось, что на таких пустяках выручают миллионы и что тут в амбаре каждый день бывают заняты делом пятьдесят человек, не считая покупателей».

Антон Павлович описывал амбар Гаврилова, с которым лично был знаком, и у которого его отец иной раз подрабатывал – в роли писца.

А при советской власти здесь расположилась штаб-квартира прокладки первых линий метрополитена. Одна из руководительниц строительства, Т. Федорова вспоминала: «Непривычно мне было первое время в большом кабинете на улице Куйбышева, 3 (при советской власти улица Ильинка носила имя Куйбышева – АМ.). Правда, засиживаться здесь не приходилось. В шкафу наготове выдавшие виды сапоги, привычные комбинезон и телогрейка и старая любимая шахтерская каска (еще с моей „Новослободской“). В любую минуту наденешь – и в забой».

Ритм жизни метростроевцев несколько отличался от дореволюционного купеческого ритма.

Крепкая палка как биржевой инструмент

Здание фондовой биржи (улица Ильинка, 6) построено в 1875 году по проекту архитектора А. Каминского.

Образ Москвы торговой девятнадцатого века, в общем, непригляден. Этакое замшелое купечество из пьес Александра Островского и публицистики Владимира Гиляровского. Товар лежалый. Не обманешь – не продашь. Охотнорядцы.

Но вместе с этим на Ильинке медленно и терпеливо вырастал новый торговый институт. Биржа. По западному образцу.

Первое биржевое здание было построено, когда московская интеллигенция оплакивала смерть поэта Пушкина, в 1837 году. До этого здесь находился храм Дмитрия Солунского, однако в ту эпоху еще не было организованных радетелей за русскую духовность и архитектурное наследие, так что замена одного объекта на другой не вызвала общественного резонанса. Дескать, биржа так биржа – могло быть и хуже.

Поначалу новенькое заведение смотрелось жалко. Исследователь городского быта А. С. Ушаков (он же Скавронский) писал о бирже полтора столетия тому назад: «В Москве биржа – понятие очень обширное, и, как кажется, сколько ни стой она в таком виде и при подобном учреждении, она не привлечет большого сбора торгующих и долго еще будет ограничиваться небольшой кучкой по большей части иностранцев... Биржа – не в русском характере, и еще более не в характере московского дела, а особенно при таком устройстве, как настоящее... Биржа в Москве гораздо обширнее, чем кажется: она собирается во многих местах, почти целый день не редет толпа на тычке, который для торговцев средней руки, не имеющих права посещать биржу (за что должно быть вносимо каждым ежегодно семь руб. сер.), может похвастаться истинной биржей».

Упрощенно говоря, вопрос цивилизованности, европеизированности (в те времена – практически синонимы) торговли сводился к состязанию между собственно биржей и «тычком» (так на московском деловом аргю звалась Карунинская, ныне Биржевая площадь).

Победа в этой битве была вроде бы предрешена – в пользу «тычка», естественно.

Тем не менее, прогнозы оказались ложными. Биржа набирала мощь и силу, и в 1875 году для нее даже выстроили новый дом в парадном классическом стиле. «Храм Меркурия строится в духе классицизма, по аналогии с храмом Аполлона», – язвила московская интеллигенция.

Правда, не сдавался и «тычок». Петр Боборыкин так описывал Карунинскую площадь конца девятнадцатого века: «У биржи полегоньку собираются мелкие „зайцы“ – жидки, восточники, шустрые маклеры из ярославцев, греки... Два жандарма, поставленные тут затем, чтобы не было толкотни и недозволенного торга и чтобы именитые купцы могли беспрепятственно подъезжать, похаживают и нет-нет да и ткнут в воздух рукой. Но дела идут своим порядком. И на тротуаре, и около легковых извозчиков, на площади и ниже, к старым рядам, стоят кучки; юркие чуйки и пальто перебегают от одной группы к другой».

И тем не менее, примерно в то же время путеводитель по Москве с гордостью сообщает: «Московская биржа по своему обороту занимает одно из первенствующих мест в Европе».

А уровень задач, решаемых Биржевым комитетом, был приблизительно таким: «О торговле с Китаем», «О развитии русского торгового мореходства по реке Оби», «О пошлинах на товары, следующие транзитом через Закавказье», «О значении распространения технического рисования в интересах промышленности и необходимости преобразования Строга-

новского училища», «О проведении паровой железной дороги вокруг Москвы», «О привилегиях Финляндии относительно беспошлинного ввоза товаров в Россию».

Правда, на бирже все равно присутствовал неистребимый российский колорит. Вот, например, воспоминания московского купца Н. Варенцова: «В один из первых годов моего посещения Биржи меня привлек вид одного господина по схожести его с царем Петром I: он был высокого роста, а надетая на нем бобровая шапка еще увеличивала его рост, с черными усами и волосами, как у царя, и он держался гордо и надменно с ютящейся вокруг него биржевой мелочью. Спросил какого-то знакомого: „Кто это такой, так похожий на Великого Петра?“ – „Бонячевский богатый фабрикант Иван Александрович Коновалов“, – ответил он. – А не правда ли: вылитый грозный царь?»

В тех же мемуарах Варенцов писал: «Я отправился на Биржу с полным желанием избить... вруна Вагурина, для чего захватил крепкую палку».

Правда, избиевание не состоялось – «врун Вагурин» вовремя покался и извинился. «Этим история закончилась, не драться же мне было с ним», – заключил Варенцов.

Но не все биржевые конфликты заканчивались таким мирным путем.

Общество страховщиков

Комплекс зданий Северного страхового общества (улица Ильинка, 21—23) построено в 1912 году по проекту архитекторов И. Рерберга и В. Олтаржевского.

Северное страховое общество было основано в 1871 году в Санкт-Петербурге, но, конечно же, сферой его влияния было все государство. Ведь специализацией общества было страхование от огня, а большинство столичных зданий было все-таки кирпичными и, как правило, пожарная команда приезжала раньше, чем все здание превратится в пепел. Да, конечно, выгорали целые квартиры, даже этажи. Но вероятность этого была невелика, и экономный петербуржец в большинстве своем предпочитал традиционное российское «авось».

То ли дело Москва, где до середины двадцатого века было множество зданий, построенных из древесины, по-дедовски. Не удивительно, что общество решило выстроить в Первопрестольной целый комплекс зданий – для размещения собственного офиса и для того, чтобы сдавать площадь внаем.

В архитекторах общество не ошиблось. Комплекс вышел замечательным. Большая часть москвичей, в те времена уже порядком подуставших от развернувшегося в городе строительного бума, приняла новшество не то что без обыкновенного брюзжания, а даже с радостью. Можно предположить, что основной заслугой архитекторов было деликатнейшее отношение к старинному архитектурному шедевру, расположенному по соседству с новостройкой. Ведь это была одна из красивейших церквей Москвы – Никола Большой Крест.

Церковь была построена Филатьевыми – архангелогородскими купцами – в 1680 году. А в ее подклете, по китайгородскому обычаю, был обустроен склад товаров.

Этот храм вообще использовали в качестве чуть ли не витрины. И в газетах то и дело попадались приблизительно такие сообщения: «На алтаре храма св. Николая чудотворца, именуемого „Большой Крест“, что у Ильинских ворот, вновь помещена на днях вывеска с изображением сапог и штиблет, снятая, по распоряжению епархиального начальства, в сентябре месяце прошлого года».

Что поделать – в Китай-городе каждый квадратный метр имел ценность, и не только лишь духовную.

Кстати, кресты на куполах той церкви были самые что ни на есть обычные. «Большим Крестом» являлась главная святыня храма – саженный крест со 156 частицами мощей.

Петр Боборыкин писал: «Глаза Палтусова обернулись в сторону яркого красного пятна – церкви „Никола Большой Крест“, раскинувшейся на целый квартал. Алая краска ярела на солнце, белые украшения карнизов, арок, окон, куполов придавали игривость, легкость храму, стоящему у входа в главную улицу, точно затем, чтобы сейчас же всякий иностранец понял, где он, чего ему ждать, чем любоваться».

А в списке чудес митрополита Филарета, занимавшего митрополичью кафедру в первой половине девятнадцатого века, есть такая запись: «Заболевши горячкою, Н.Н., находясь в самом уже трудном положении, заснул и видит во сне Владыку, служащего с сонмом святителей всенощное бдение в Церкви святителя Николая Чудотворца (именуемой Большой Крест). И когда Владыка, во время пения „хвалите имя Господне“, совершал каждение и проходил мимо него, он поклонился и поцеловал его ножку, после этого он проснулся. С этого же дня болезнь приняла другой оборот, и он выздоровел».

Подобные истории в Москве дореволюционной были очень даже убедительны. Не удивительно, что храм Николы Большой Крест пользовался в нашем городе невероятной популярностью.

Увы, в 1933 году храм снесли. И краевед и поэт Ю. Ефремов посвятил ему стихотворение:

Вчера была церковь. Горда, пятиглава.
Лазурные купы цвели на углах.
Не сдавшие золота для переплава,
Жглись россыпи звездные на куполах.
А нынче – Ходынка... На зрелища скупы
Недели и месяцы будничных дел,
А кто-то на царственный звездчатый купол
Петлю четверного аркана надел.

Кстати, с другой стороны здания страхового общества тоже стояло знаменитое культовое сооружение – часовня в честь Сергия Радонежского. Она была построена в 1863 году, а снесена в 1927 году.

* * *

И все же можно предположить, что самой популярной частью комплекса, стихийно выросшего вокруг зданий страхового общества, был все-таки трактир «Арсентьич». Находился он в доме 15 по Большому Черкасскому переулку и славился на всю Россию. Владимир Гиляровский, признанный знаток дореволюционного мосообщепита, писал, что это заведение славилось «русским столом, ветчиной, осетриной и белугой, которые подавались на закуску к водке с хреном и красным хлебным уксусом, и нигде вкуснее не было. Щи с головизной у «Арсентьича» были изумительные, и Гл. И. Успенский, приезжая в Москву, никогда не миновал ради этих щей «Арсентьича».

Впрочем, кроме щей в трактире была еще одна славная достопримечательность – половой по прозвищу Лимон. Когда-то он стащил мешок с лимонами, от радости переусердствовал с напитками, и ему вместо лимонов насыпали в мешок подпорченной картошки. С тех пор Лимон не выносил слова «лимон».

А на втором этаже дома 15, прямо над «Арсентьичем», располагался его конкурент – заведение горца Сулханова, «племянника князя Аргутинского-Долгорукова», как было указано в визитной карточке. Здесь не подавали ни щей, ни водки, ни белуги, а спрашивали шашлыки и кахетинское. И многие, насытившись у славного «Арсентьича», шли на второй этаж к «Сулханову» хлебнуть экзотики.

Гренадерский колокольчик

Часовня в память о гренадерах, павших под Плевной за освобождение Болгарии (Ильинский сквер), построена в 1887 году по проекту архитектора В. Шервуда.

Улица Ильинка заканчивается Ильинским сквером. Он вошел в историю Москвы благодаря двум значительным событиям. Во-первых, это место – родина общественного транспорта Первопрестольной. Именно здесь в 1847 году была оборудована первая станция так называемой линейки – неудобной, но недорогой повозки без рессор, впряженной в тройку лошадей. Другим конечным пунктом этого маршрута был Электрозаводский (а в те времена – Покровский) мост.

Линейка была транспортом легендарным. Упомянутый уже Богатырев писал о ней: «Никакой жестокий инквизитор не мог выдумать более мучительной пытки, как езда в этих экипажах, но терпеливые москвичи ездили и платили еще деньги за свою муку. Такого безобразия, как эти линейки, вряд ли где можно найти. До невозможности грязные, вечно связанные ремешками, веревочками, с постоянно звенящими гайками, с расшатанными колесами, с пьяными и дерзкими ямщиками, с искалеченными лошадьми, худыми и слабосильными до того, что они шатались на ходу»

Москвичи, однако же, охотно пользовались этим видом транспорта. Дешево и относительно быстро.

Второе же событие состояло в том, что именно в Ильинском сквере был установлен памятник-часовня в честь павших плевненских героев. Часовню сразу же прозвали колокольчиком – за внешнее, ясное дело, сходство.

«Московские церковные ведомости» опубликовали подробнейший отчет о церемонии открытия: «28 ноября 1887 г. в присутствии генерала-фельдмаршала вел. кн. Николая Николаевича Старшего освещение и открытие поставленного в Лубянском сквере (так иной раз называли сквер Ильинский – АМ.) памятника павшим в минувшую кампанию гренадерам. В параде было 12 батальонов в трех сводных полках, 4 эскадрона и сводная батарея, при пяти хорах музыки. Вся окрестность Лубянского сквера украшена была множеством флагов, а входы и передние решетки зеленью и цветами с вензелевыми надписями: «Плевна 28 ноября 1877—1887». К часовне, находящейся внутри памятника, принесена была ко времени молебствования чудотворная икона Иверской Божией Матери...

По окончании молебствования и возгласения многолетия их императорским величествам, вел. кн. Николаю Николаевичу и всему Царствующему дому, возгласена была «вечная память» в Бозе почившему императору Александру II и павшим на поле брани герцогу Лейхтенбергскому Сергею Максимилиановичу и всем воинам, причем по команде его высочества «накройсь» и «на караул» все войска отдали честь усопшим, коим воздвигнут памятник, и загредел 101 салютационный выстрел пушек сводной батареи, слившийся с несшимся со всех сторон перекатным «ура».

Вел. кн. сошел с лошади, приложился ко кресту, принял окропление св. водой и со всем генералитетом обошел вокруг памятника-часовни, снаружи и внутри ее, а владыка митрополит окропил ее св. водой...

В 4 часа дня в залах Благородного Соборания происходил обед, предложенный городом генералам и офицерам гренадерских и других частей московского гарнизона...»

Увы, часовня, значившая столь много для Москвы дореволюционной, после 1917 года была полностью заброшена. Крест поломан, украшения отколоты, ограда смята. Двери же ее не закрывались, и любой прохожий мог воспользоваться памятником как отхожим местом.

Только после Великой Отечественной часовню в память героев восстановили. Не удивительно – после победы во всех странах обязательно бывает всплеск патриотизма.

Церковь одного батюшки

Церковь Николы в Блинниках (она же в Кленниках, она же в Клинниках) (улица Маросейка, 5) построена в 1657 году.

У этой церкви несколько названий. Точнее говоря, название одно – Никольский храм. А разночтения касаются того, где именно он установлен.

Кто-то из исследователей считает, что правильно – это церковь в Блинниках: якобы здесь в глубокой древности работали некие блинники, блины пекли. Другие краеведы полагают, что точнее говорить о Кленниках, ведь в этом месте очень буйно росли клены. Приверженцы версии с Клинниками апеллируют к каким-то клинникам, которые тут жили и выделяли клинья – совершенно непонятно для чего и как. Есть, кстати, еще специалисты, полагающие, что когда-то здесь располагались некие таинственные клиники. Но это уже откровеннейшая ерунда.

Так или иначе, храм имеет несколько названий, и никому этот факт не вредит.

История Никольского храма – долгая, насыщенная и богатая: за те столетия, что он стоит на Маросейке, здесь что только не происходило! А в двадцатом веке храм и вовсе принадлежал высокопоставленному комсомольскому начальству.

Первое, однако, что приходит в голову, когда проходишь мимо этой церкви, – уникальная личность одного из ее настоятелей, отца Алексея Мечева. Ведь ему удалось здесь создать уникальный приход.

Все началось в 1902 году, когда у заурядного батюшки, отца Алексея скончалась жена. И вышло так, что он сразу же после этого имел краткую беседу со своим прославленным знакомым, отцом Иоанном Кронштадтским.

– Вы пришли разделить со мною мое горе? – спросил отец Алексей.

– Нет, – ответил Иоанн Кронштадтский. – Не горе твое пришел я разделить, а радость. Тебя посещает Господь; оставь свою келью и выйди к людям. Только отныне начнешь ты жить. Ты жалуешься на свои скорби и думаешь, что нет на свете горя больше твоего; так оно тяжело тебе; а ты будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя, и тогда увидишь, что твое несчастье мало, незначительно в сравнении с общим горем, и легче тебе станет.

С точки зрения светской, общечеловеческой, все это звучит более чем абсурдно. Однако же сила внушения кронштадтского священника была настолько велика, что отец Алексей и вправду воспрял духом, перестал сторониться людей, а, напротив, решил посвятить свою жизнь служению. И собственным прихожанам, и Богу.

Приходить к этому батюшке было не страшно. Один из современников, епископ Арсений писал: «О. Алексей верил, что нет грехов, «побеждающих» божественное милосердие, а потому вносил в души всех приходящих к нему чувство бесконечной надежды на милость Божию, с каким бы тяжелым нравственным и умственным бременем они ни являлись».

К слабым и неокрепшим духом он проявлял еще большую ласку, как бы боясь невниманием или строгостью оттолкнуть, разочаровать их. О. Алексей не спрашивал обращающегося к нему, кто он, ходит ли в храм, верующий ли, православный, или католик, или другой какой религии. Для него всякий пришедший был «страждущий брат и друг», искавший облегчения своего горя. Он никогда не оставлял без теплого участия, понимая любвеобильным сердцем, что каждому своя боль тяжела.

И удивительно, у всякого, обращавшегося к о. Алексею являлось чувство, будто батюшка любит его больше всех. Как разум ни восставал против, а уверенность такая жила».

А когда в декабре 1905 года в церковь ворвалась толпа озлобленных революционеров-дружинников – и ворвалась далеко не с благими намерениями, – отец Алексей, не задумываясь, произнес:

– Как приятно видеть в храме столько молодежи! Вы пришли помянуть своих родителей?

И обескураженные боевики тихонько отстояли до конца всю службу, после чего, потупив взоры, разошлись.

О себе же отец Алексей думал в последнюю очередь. А точнее сказать, так и вовсе не думал. Один из современников писал о нем: «В домашней жизни своей Батюшка был крайне прост и скромен. В кабинете его, в комнатке – груды раскрытых и нераскрытых книг, и письма, и множество просфорок на столе, и свернутая епитрахиль, и крест с Евангелием, иконы и образки и вообще хаотическое состояние комнатки показывало, что Батюшка всегда занят, что ему всегда некогда, что его всегда ждет – и дома, и на улице, и в церкви – великая работа любви и самоотвержения. Часто, бывало, зовут Батюшку чай пить, обедать, а он сидит у себя в комнате и, ничего не замечая, горячо убеждает кого-то. Когда домашние его, не вытерпев, стучат и входят в его комнату, говорят, что нельзя так относиться к своему здоровью, Батюшка делал вид, что сердится (по-настоящему сердиться он и не умел), и говорил: «Ну вот, опять вы за свое. Разве я без вас не знаю? Я уже сказал, что занят. Вот отпущу его и приду». А то, бывало, скажет мне: «А ну-ка... принеси мне стаканчик чайку». И пьет на ходу, среди разговоров чай, иногда и обедает так же.

Эта вечная сутолока людей, эти бесконечные очереди и целодневная работа Батюшки заставляли его попросту игнорировать свое здоровье. Только настойчивые убеждения родных и близких «за послушание» заставляли его обращаться к докторам и пить лекарственные снадобья».

Еще одна из главных черт этого настоятеля – неприятие всего искусственного, существующего только для канона. Дошло однажды до того, что батюшка по окончании службы обратился к прихожанам:

– Я откажу наемным певчим, которых прямо-таки не переносу, а вы все здесь присутствующие пойте и читайте. Ты, Мария, будь канонархом, ибо хорошо, четко произносишь стихиры. Я надеюсь, с Божией помощью, вы справитесь с церковной службой. Господь да благословит вас начать и исполнить это дело.

И действительно – все получилось. И нередко, зайдя в храм на Маросейке, человек неподготовленный терялся и не понимал, что происходит. Стоит батюшка перед алтарем и распевает во все горло. А перед ним вся паства – подпевает.

И ведь никто не обвинял новатора в отходе от канона, в подражании – страшно подумать – баптистам, а то и хлыстовцам, сектантам! Вероятно, настолько была очевидна чистота его помыслов, что мысль о сектантских радениях никому даже в голову не приходила.

Кстати, фактом своего рождения отец Алексей был обязан чуду. Сам он, во всяком случае, в это охотно верил и любил рассказывать историю своего появления на свет.

А было так. Мать будущего старца (а его, пусть не келейного монаха, часто называли старцем) сильно заболела перед родами. Врачи отчаялись, и все шло к неизбежной смерти.

Тогда Алексей Иванович Мечев, отец будущего священника, отправился на Красные пруды, в Алексеевский монастырь, где в тот день служил митрополит московский Филарет.

Митрополит его заметил. Подошел. Спросил:

– Что ты такой печальный? Что у тебя?

– Ваше высокопреосвященство, жена умирает в родах, – ответил Алексей Иванович.

– Бог милостив, – сказал митрополит Филарет. – Помолимся вместе. Все будет хорошо. Родится мальчик. Назови его Алексеем, в честь святого Алексея человека Божия. Сегодня ведь как раз память его в Алексеевском монастыре.

И действительно, когда после обедни Алексей Иванович пришел домой, его встретили с радостью – родился сын.

Резиденция пастора Глюка

Жилой дом (улица Маросейка, 11) построен в начале XVII века.

Строилось это здание для давным-давно забытого голландца Рутца. Но прославилось оно лишь при Петре Великом, когда тут открылась гимназия пастора Эрнста Глюка из Саксонии. К своим добропорядочным ученикам он обращался с такими воззваниями: «Здравствуйте плодовые, да токмо подпор и тычин требующие дидевины! По указу державнейшего нашего Монарха полюбится мне термиточию словесам вас с изъяснении разума вашего обучити. Врата умудрения ныне отпираются!.. Понеже младая юность, аки воск преобразится, часто в злобу превратится... Десница готова немощных водить, плавающим помогати и всяким заблудящимся светило подносить...»

А давняя служанка пастора Марта в это время была уже царицей, Екатериной Алексеевной, женой Петра Великого.

Кстати сказать, пастор Глюк был одним из таинственнейших москвичей. Россией он заинтересовался в 1680-е и, будучи человеком образованнейшим и способным, выучил русский язык и принялся переводить на него европейские учебники и богословские трактаты. Не таился, но особо и не афишировал свой труд. Лишь спустя пятнадцать лет после начала этой редкой по тем временам деятельности он направил русскому правительству письмо. В то время перечень переведенной им литературы выглядел весьма внушительно.

Как же отреагировало это самое правительство? Увы, никак. И жить бы Глюку в опостылевшей Саксонии, если б не имперские амбиции Петра и не его воинственность. В 1702 году, во время войны Глюк был пленен российскими войсками. Тут-то письмо и вспомнилось. И пригодилось.

В соответствии с царским указом, следовало явленного пастора Глюка, «который умеет многим школьным, и математическим, и философским наукам на разных языках, взять для своего великого государя дела с женою его и с детьми и с челядями в государственный посольский приказ».

Поначалу к Глюку относились настороженно. Подозревали его в шпионаже, а также в том, что этот лютеранин посредством своих переводов хочет провести духовную экспансию – обратить православных «в папскую религию». Но назад пути не было: саксонцы еще больше наших соотечественников подозревали Глюка в шпионаже, но уже в пользу России.

Однако в скором времени к пастору привыкли, да и сам он как-то обрусел. Преподавал в своей гимназии, и никому до него, по большому счету, дела не было.

А гимназия, кстати, была учреждена царским указом. Сам Петр распорядился, чтобы обучали здесь детей «Для общей всенародной пользы учинить на Москве школу на дворе В. Ф. Нарышкина на Покровке, а в той школе бояр и окольничих и думных и ближних и всякого служилаго и купецкаго чина детей их, которые своей охотою приходить и в школу ту записываться станут, учить греческого, латинского, итальянского, французского, немецкого и иных розных языков и философской мудрости».

Это, по сути, была первая гимназия в России.

Как же к ней относились современники? Увы, не всегда положительно. Один из них, генерал Христофор-Герман Манштейн свысока отзывался о пасторе Глюке и его начинании: «Человек этот, обладавший познаниями и сведениями в такой только мере, как любой деревенский священник, сумел, однако же, прослыть за гениальную личность, потому что знал основательно русский язык. Петр I обратил на него внимание и поручил ему основать школы, в которых молодые дворяне могли бы получать образование. Глюк предложил ему устроить школу по образцу тех, какие он видел в лифляндских городах, где молодые люди обуча-

ются латинскому языку, катехизису и другим предметам учения. Император одобрил этот проект, назначил значительную сумму денег для платы учителям и дал в Москве большой дом... Тогда Глюк вызвал несколько студентов богословия лютеранского вероисповедания и при обучении в своей новой школе следовал во всем правилам шведской церкви, а для того чтобы нисколько не уклониться от них, перевел даже несколько лютеранских гимнов весьма плохими русскими стихами; учеников своих он заставлял петь эти гимны с большим благоговением при начале и при окончании занятий.

Подобный порядок был до того смешон и успех этого нововведения так жалок, что Петр I не мог вскоре не заметить этого. Поэтому он закрыл школу и снова предоставил обучение детей родителям».

А историк В. Ключевский делал свои выводы: «Гимназия Глюка была у нас первой попыткой завести светскую общеобразовательную школу в нашем смысле слова. Мысль оказалась преждевременной: требовались не образованные люди, а переводчики Посольского приказа, и училище Глюка разменялось на школу иностранных корреспондентов, оставив по себе смутную память об „академии разных языков и кавалерских наук на лошадях, на шпагах“ и т.п., как охарактеризовал школу Глюка князь Б. Куракин».

Так что пастора-подвижника остается только пожалеть.

* * *

А после в рутцевых палатах жили своей тихой жизнью Елизаветинская женская гимназия (ее окончила Мария Ильинична Ульянова), Усачевско-Чернявское рукодельное заведение, Маросейская богадельня, детское училище Валицкой, где воспитывался Ходасевич. Здесь же он встретил свою первую любовь, о чем охотно писал в мемуарах: «В то время (лет восьми) стал я ходить в детское училище Л. Н. Валицкой, на Маросейке. В классе, состоявшем поровну из мальчиков и девочек, поражал я учительниц прилежанием и добронаравием. Смирение мое доходило до того, что даже на переменах я не бегал и не шумел с другими детьми, а держался где-нибудь в стороне. Только уроки танцев выводили меня из неподвижности. С необычайной тщательностью выделял я свои па, а когда доходило дело до вальса, воображал себя на балу и предавался сладостным мукам любви и ревности. Эти муки были небеспредметны. Сердце мое было уязвлено моей одноклассницей, Наташей Пейкер, в самом деле – прелестной девочкой. Не думаю, чтобы я танцевал с ней больше двух или трех раз: до такой степени я перед нею робел, столь недоступной она мне казалась».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.